

МЕТАФОРИКА СИТУАЦИОННОГО ОБРАЗА: КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

Т.С. Зевахина,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
ming@philol.msu.ru

Ключевые слова: метафора, образ, ситуация, фразеология, устойчивые сравнения, когнитивные механизмы, фрейм, понимание, вербализация, эксперимент, типология, базы данных, русский язык, дунганский язык, английский язык, французский язык.

В докладе развивается концепция “ситуационного образа” как основы моделирования семантики метафорических выражений. Здесь объектом когнитивного анализа служат устойчивые образные сравнения. Показано, что при вербализации соответствующего высказывания происходит образное осмысление окказиональной ситуации путем преобразования фреймов. Изучаются когнитивные механизмы таких преобразований на материале четырех языков.

Проблема выявления и описания когнитивных механизмов метафоры, а также всего круга языковых явлений, в которых реализуется метафоричность, относится к числу важнейших и одновременно труднейших в теоретической и прикладной семантике.

Исследователи здесь все чаще обращаются к понятию “образа”, деятельная сущность которого позволяет свести метафору к действию-отношению “видеть как”.

Мы предложили, далее, концепцию “ситуационного образа”, согласно которой человек метафорически осмысляет не отдельные элементы действительности, а целостные ситуации. Иначе говоря, имеет место когнитивный процесс формирования образного ситуационного фрейма.

Наконец, коммуникативные процессы функционирования метафорических выражений (т.е. их вербализацию и понимание) предлагается моделировать с помощью операции метафорического преобразования конкретных фреймов: от окказионального фрейма (через обобщенный фрейм) - к образному. Данная концепция была ранее применена нами к анализу паремий - пословиц и поговорок. Эти устойчивые высказывания отличаются особенно активной метафоричностью, отработанной веками употребления в масштабах всего социума в миллионах конкретных случаев.

Настоящий доклад посвящен когнитивному анализу устойчивых сравнений, т.е. сравнительных оборотов, часто употребляемых как шаблоны в составе разнообразных высказываний: *упрямый как осел, отважный как лев, трусливый как заяц, стоит как истукан, бежит как угорелый, побежал как ошпаренный, помчался как на пожар, молчит как партизан, дрожит как осиновый лист, чувствует себя как рыба в воде, врет как сивый мерин, это как пить дать, свалился как снег на голову, как в воду смотрел, как воды в рот набрал, как на духу, ясно как дважды два, мир как на ладони, пьяный в стельку, падать камнем, помчался стрелой* и т.д.

Такие выражения обычно называют образными сравнениями. По этому поводу надо заметить следующее. Во-первых, любое устойчивое сравнение практически всегда является и образным. Во-вторых, впечатление атомарности образа (отдельный предмет, отдельное животное) идет, в основном, от грамматической формы. На наш взгляд, хотя служебный элемент *как* (или его аналог) обычно выделяет отдельное существительное, все же целостное когнитивное содержание сравнительного оборота основано, как и в случае паремий, на образном фрейме ситуации.

Сравнительный оборот, конечно, семантически проще, чем паремия. Он, как правило, состоит из двух составляющих: предикатной и субстантивной. Но эта “простота” ни в коей мере не отменяет действие коммуникативных метафорических преобразований, как они описаны в [Зевахина, 2002а, гл. 6; 2002б]. Например, в процессе вербализации высказывания *Иван молчит как партизан* окказиональный фрейм для ситуации “молчит

Иван” должен быть возведен к образному фрейму ситуации “молчит партизан”. Таким образом, служебный элемент *как* можно считать оператором образного осмысления окказиональной ситуации (или, выражаясь более технично, оператором образного преобразования окказионального ситуационного фрейма), а вовсе не показателем сравнения двух объектов - *Иван* и *партизан* [Weiner 1984].

Интересно, что стандартный характер ситуационного уподобления, закрепляемый в устойчивых сравнительных оборотах, в русском языке формально отражается в правилах пунктуации: в таких оборотах запятая перед *как* не ставится; кроме того, они широко, хотя и не всегда последовательно, отражаются в словарях, ср. [Словарь сочетаемости 1983; Убин 1987].

Заметим также, что высказывание, содержащее образный сравнительный оборот, обычно содержит в явном виде и описание окказиональной ситуации (в нашем примере - *Иван молчит*). Но, конечно, это краткое описание существенным образом опирается и на знания, содержащиеся в широком ситуационном контексте (см. ниже). И все же сама структура высказывания дает “эксплицитный толчок” к запуску механизма образного преобразования фрейма.

Специально отметим, что в высказывании со сравнительным оборотом предикат склеен: ситуация “Иван молчит” уподобляется ситуации “молчит партизан”, и результат уподобления вербализуется в виде *Иван молчит как партизан*. Это склеивание предиката является еще одним формальным проявлением глубинной операции метафорического уподобления одной ситуации другой.

Приведем стандартную запись прототипического образного фрейма:

Имя фрейма *молчит партизан*

Ассоциированные кванты знаний

[Условия применения образного выражения: происходит допрос партизана X представителями противника Y в контексте определенных актуальных событий в некоторый момент времени вскоре после того, как X оказался в руках Y; при этом Y проявляет настойчивость и применяет специальные методы воздействия на X, обычно физическое воздействие, угрозы или подкуп]

[Коммуникативное намерение, содержащееся в целом высказывании: информировать собеседника о своем видении окказиональной ситуации]

[Результат применения сравнительного оборота: точная квалификация окказиональной ситуации путем уподобления ее данной образной ситуации]

1 - “МОЛЧАТЬ”

<НЕ ОТВЕЧАТЬ НА ГЛАВНЫЕ ВОПРОСЫ, УТАИВАТЬ СУЩЕСТВЕННУЮ ИНФОРМАЦИЮ (X, Y)>

<КАК ПРАВИЛО, МНОГОКРАТНО ПРОЯВЛЯТЬ УПОРСТВО (X)>

<живая образность>

2 - “ПАРТИЗАН”

<ЧЛЕН СКРЫВАЮЩЕЙСЯ ГРУППИРОВКИ, ДЕЙСТВУЮЩЕЙ В ТЫЛУ ПРОТИВНИКА>

<ПРЕДАННЫЙ СВОЕЙ ГРУППИРОВКЕ>

<ДЕМОНСТРИРУЮЩИЙ ВРАЖДЕБНОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К Y>

<НЕ ЖЕЛАЮЩИЙ СОТРУДНИЧАТЬ И ОБЩАТЬСЯ С Y>

<живая образность>

Приведенный образный фрейм показывает структуру исходного ситуационного образа и задает класс “стереотипных ситуаций”. Примером конкретного случая стереотипной ситуации может служить, скажем, ситуация, когда Иван-школьник якобы замешан в срыве урока, и учительница допытывается, как же было дело и кто из товарищей был зачинщиком и втянул Ивана в эту историю. И тогда суть окказионального фрейма для выражения *Иван молчит* выглядит примерно так: “Иван, многократно проявляя упорство, не отвечает на главные вопросы учительницы, демонстрирует скрытность, преданность товарищам, нежелание сотрудничать с учительницей в деле разоблачения группы своих одноклассников”. Этот фрейм тоже мог бы быть записан в подобной списочно-формульной нотации.

В процессе вербализации говорящий вырабатывает замысел в виде указанного окказионального фрейма и применяет к нему образное преобразование, т.е. находит в своей памяти подходящий образный фрейм. Он и служит источником построения высказывания со сравнительным оборотом: *Иван молчит как партизан*.

Интересно, что когнитивную операцию уподобления одной ситуации другой можно рассматривать одновременно и как особый речевой акт (ср. [Серл 1982]).

Возможно, процесс образного преобразования окказионального фрейма идет через промежуточную ступень обобщенного фрейма, который в наиболее абстрактной форме дает инвариантное содержание всего класса стереотипных ситуаций [Зевахина 2002б].

Так или иначе, данное высказывание с образным оборотом отличается по когнитивному содержанию от других похожих высказываний: *Иван молчит как рыба, Иван как воды в рот набрал, Иван молчит как немой, Иван молчит как пень*.

Итак, устойчивые образные сравнения – это широкий класс явлений, которые предоставляют в распоряжение носителя языка стандартные средства вербализации знаний о мире с помощью ситуационных образов. Оформление сравнительной конструкции может иметь ряд вариантов, но всегда включает два обязательных члена - предикат и субстантив.

* * *

Нами проведены исследования по метафорике образных сравнений с применением экспериментального, типологического и лексикографического подходов. Эмпирические факты отражаются в соответствующей базе данных.

Экспериментальная работа проводилась на материале дунганского языка, а полученные данные сопоставлялись с материалом русского, английского, французского языков. Эта работа связана с исследованиями по семантической типологии языков, направленных на выявление общечеловеческих закономерностей осмысления действительности и специфических черт национально-языковой картины мира [Городецкий 1984].

Приведем дунганские примеры с предикаторами преимущественно адъективного характера. (Мы используем термин “предикатор” как объединяющий для прилагательных и глаголов.) Они получены в эксперименте и подтверждены не менее чем семью информантами: *Жы³гэ¹ я¹ту¹ди¹ лян² бэ¹ди¹ лян¹ зы² йи¹ён³* букв. “У этой девочки лицо тонкое как бумага” (так говорят о застенчивом человеке); *Та² ню¹ди¹ лян¹ ню¹ йи¹ён³* “Он упрямый и капризный как корова”.

Многоаспектный анализ полученных данных позволил выявить когнитивно-коммуникативную роль различных лексико-семантических средств в составе образного оборота. Так, показана ситуационная значимость полисемии предикатора, например, для дунганской лексемы *хи¹* “черный, чернеть”. Когда она берется в ее прямом, цветовом значении, то в сравнительном обороте употребляется существительное “сажа”: *Жы³гэ¹ жын¹ди¹ жу³ хи¹ди¹ лян¹ гу¹мий²зы¹ йи¹ён³* “Тело этого человека черное как сажа”; в значении же “темный, необразованный” сравнение осуществляется путем включения в оборот существительного “дымоход, дымовая труба”: *Жы³гэ¹ н¹жын¹ хи¹ди¹ лян¹ ян¹дун¹ йи¹ён³* “Эта женщина темная (невежественная) как дымовая труба”. Особое значение прилагательного реализуется в предложении: *Жы³гэ¹ жын¹ди¹ цин¹ хи¹ди¹ лян¹ ян¹дун¹ йи¹ён³* букв. “Сердце этого человека черное как дымовая труба” (так говорят о злом, жестоком, нехорошем человеке).

Роль развернутого субстантива в моделировании образной ситуации видна в следующем примере: *Та²ди¹ лян² хун¹ди¹ лян¹ ця³ли¹ дан³ди¹ му²жи¹ йи¹ён³* “У него лицо такое красное, как будто [перед нами] курица, которая только что снесла яйцо”.

Из сопоставительно-типологической таблицы (в базе данных) видно, что определенные типы уподобления характерны для всех рассмотренных языков (например, во всех четырех языках имеются сравнительные обороты “белый как снег”, “черный как сажа”, “сладкий как мед” и др.). К специфическим уподоблениям дунганского языка относятся, например, такие: *жин³да³ди¹ лян¹ ху² йи¹ён³* “сильный как тигр”; *зуй³ди¹ лян¹ гу² йи¹ён³* “пьяный как собака”; *пон³ди¹ лян¹ ца¹хур¹ йи¹ён³* “толстый как чайник” и др.

Приведем примеры словарных статей из сопоставительного словаря образных оборотов:

“СИЛЬНЫЙ”

#ДУНГ. *жин³да³: ху²* тигр #РУС. *сильный*: бык #АНГЛ. *strong*: лошадь #ФРАНЦ. *fort*: бык, буйвол, грузчик, турок

“ПЬЯНЫЙ”

#ДУНГ. *зуй³: гу²* собака #РУС. *пьяный*: свинья, сапожник #АНГЛ. *drunk*: лорд, уличный скрипач, рыба, барабан, кирпич #ФРАНЦ. *ivre*: свинья; ломтики хлеба, залитые бульоном; ломтик хлеба, вымоченный в вине

Литература

1. Городецкий Б.Ю. Об экспериментальном подходе к лексикографии (на материале ганьсуйского диалекта дунганского языка) // II конференция по китайскому языкознанию. (Сборник тезисов). – М.: Институт языкознания АН СССР, 1984. – С. 14-17
2. Зевахина Т.С. Образное сравнение в дунганском языке (в сопоставлении с другими языками) // Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии. – Бишкек: Илим, 1991. – С. 70-90.
3. Зевахина Т.С. От параметров слова к параметрам текста. – М.: МАКС Пресс, 2002а. – 168 с.
4. Зевахина Т.С. Метафора мертвая и метафора живая: экспериментальный подход к паремиологии дунганского и китайского языков // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии / Труды Международного семинара Диалог'2002. – М.: Наука, 2002б. – Т. 1. – С. 154-162.
5. Серл Дж.Р. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII: Логика и лингвистика (Проблемы референции) / Сост. и ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Радуга, 1982. – С. 179-202.
6. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина / Изд. 2-е, исправл. – М.: Русский язык, 1983. – 688 с.
7. Убин И.И. Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. – М.: ВЦП, 1995. – 568 с.
8. Weiner Judith. Knowledge Representation Approach to Understanding Metaphors // Computational Linguistics, 1984. – Vol. 10, No. 1.